

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	62
Глава третья	112
Глава четвертая	169
Эпилог	225

*Посвящается памяти
доктора Федора Петровича Гааза,
и всех московских докторов,
боровшихся с эпидемией холеры в 1830 году*

Глава первая

*Нежданный гость московского губернатора.
Шут и царь. — Геракл исповедуется в своих подвигах. —
Одна трогательная родственная встреча
и дуэльный пистолет с золотой монограммой*

Губернатор московский Дмитрий Владимирович Голицын привык обходиться без услуг цирюльника — то была его старая прихоть, с годами ставшая чем-то вроде безобидной мании. В наместническом доме на Тверской, из которого он не выезжал все последние дни, Дмитрий Владимирович брился обыкновенно по утрам перед большим зеркалом в приемной зале, напевая при этом что-нибудь фривольное по-французски, чаще всего из Беранже. В эти ранние часы его обычно никто не беспокоил, и даже слуга, приносивший нагретую в медном тазу воду, полотенце и все необходимые для бритья приборы, тотчас удалялся на цыпочках. «Большими талантами Господь меня не наделил, но уж для освежения собственной физиономии я не нуждаюсь в посредниках», — обычно говари-

АННА МАЛЫШЕВА

вал он, чем вызывал удивление у многих светских господ, не умеющих шагу ступить без слуги и цирюльника, и даже прослыл последователем Руссо.

...Встав довольно поздно, в десятом часу утра, Дмитрий Владимирович накинул на плечи расшитый золотом халат и в полном одиночестве скоблил перед зеркалом щеку, с наслаждением бубня себе под нос незатейливый мотивчик о молодой Клодин, голышом купавшейся в речке. Но вдруг случилось нечто, заставившее его запнуться и проглотить изрядную долю вспененного мыла, покрывавшего его губы. В зеркале рядом с его отражением возникла фигура государя-императора. Высокий, статный, в военном мундире, с правильным бледным лицом античного героя, император смотрел пристально и загадочно. Губернатор от неожиданности уронил бритву в таз. Будучи человеком очень близоруким, он начал поспешно искать в карманах халата складной лорнет, но тут отражение, которое он принял за оптический обман, заговорило.

— Что, Митя, не ждал меня в гости?

Сомнений не осталось — этот голос невозможно было забыть! Голицын обернулся и забормотал по-французски:

— Ваше Величество... Извините, что я по сю пору не одет... В городе холера, а я вот заспался до десяти... Комитет вчера допоздна засиделся...

АВАНТЮРИСТКА. ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

Всем было известно, что сам император встает чуть свет и терпеть не может лежебок. Леность Николая приравнивал к разврату.

— Нет нужды оправдываться! — воскликнул также по-французски Николай, окончательно обретя в глазах губернатора телесную оболочку. Приблизившись и заключив старого приятеля в объятия, он проникновенно произнес: — Я извещен о том, мой друг, что вся Москва благословляет вас!

Москва, и в самом деле, была признательна своему градоначальнику за меры, которые он принял еще до начала эпидемии. Голицын относился к той породе людей, которые кажутся слабыми и безвольными в обычной обстановке, но перед лицом опасности вдруг становятся мужественными и решительными. В созданный им Комитет по холере входил весь цвет московского купечества. За каждым купцом губернатор закрепил определенный район города. На пожертвования открылось более двадцати новых лечебниц. Купцы на собственные средства приобретали для них кровати, ванны и прочее оборудование. Простые горожане бесплатно нанимались в смотрители больниц и следили за тем, чтобы пожертвования не стали добычей чиновников и служащих, а употреблялись по назначению. Из государственной казны не было взято ни копейки. Студентов Московского университета губернатор призвал в сиделки и ординаторы, в фельдшера и письмоводители. Никто не

АННА МАЛЫШЕВА

отказывался от добровольной мобилизации, студенты без страха перед болезнью устраивались волонтерами в больницы города. Полиция строго следила за скоплением народа на улицах и за тем, чтобы специальные фуры с лошадьми оперативно убирали с тротуаров трупы. В огромном городе, зараженном страшной болезнью, не наблюдалось паники, все было подчинено порядку и дисциплине. Губернатор часто проезжал по городу в открытой коляске, посещал больных в палатах лечебниц, всем своим видом показывая, что надо сохранять спокойствие. Москвичи еще со времени последней чумы верили, что перед мужеством отступает любая зараза и что, напротив, страх способствует ее распространению. Старожилы вспоминали в эти дни наместника Екатерины Великой, графа Петра Семеновича Салтыкова, который бежал из зачумленной Москвы в подмосковное имение, прихватив с собой войско и даже пушки. Герой сей защищал себя пушками от чумы.

— Я вообще-то ждал со дня на день Бенкендорфа, — все еще ошеломленный появлением императора, признался Голицын. Он хотел было стереть полотенцем мыльную пену с щек, но Николай остановил его:

— Продолжай заниматься туалетом, не обращай на меня внимания. — Он одновременно перешел на русский и на «ты». — Алекса задержали в Петербурге неотложные дела. Обещал прибыть завтра утром.

АВАНТЮРИСТКА. ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

— До сих пор не могу поверить, что это не сон, — покачал головой Дмитрий Владимирович, — и что ты решился приехать в холерную Москву. Еще вчера я получил от тебя срочную депешу с указаниями и думал, что ты далеко и в безопасности... Зачем же было так рисковать собой, дорогой Никс?

— Об этом после потолкуем, — ушел от ответа Николай Павлович, — ты мне расскажи лучше, что в городе происходит?

Император ходил по гостинной, сложа руки за спину, и с интересом рассматривал портреты московских губернаторов, будто видел их впервые. Он внимательно вслушивался в каждое слово, произносимое Голицыным.

За последние два дня обстановка ухудшилась, счет умерших от холеры уже пошел на сотни. Однако некоторые доктора до сих пор использовали напрасные кровопускания, преспокойно отправляя на тот свет своих пациентов. Улицы и дома посыпались хлорной известью. Горожане предпочитали окуривать комнаты можжевельником, наполнять сосуды дегтем и расставлять их во всех помещениях. Сделались популярными «уксус четырех разбойников» и диета без овощей и фруктов.

— Гааз и Маркус в один голос уверяют меня, что много заразы идет от арбузов, привезенных из Астрахани, а также наших московских яблок, — признался Дмитрий Владимирович, — но запре-

АННА МАЛЫШЕВА

тять купцам торговать овощами и фруктами я не могу. Это вызовет бунт!

— Надо запретить, Митя, — строго произнес император, — я лично буду говорить об этом с купцами. — И, оторвавшись, наконец, от созерцания очередного портрета, взглянул на старого приятеля прямо: — Ну а что в больницах происходит? Кого-нибудь удается излечить от заразы?

— Слава богу, пошло дело! — радостно сообщил губернатор. — Первым был спасенный мальчишка в Старо-Екатерининской, у Гааза. За последние дни у него же еще трое встали на ноги. У Гильдебрандта-младшего в Университетской лечебнице большие успехи, сразу восемь человек пошли на поправку. Ну а в Мещанской больнице смоленский доктор Хлебников за двое суток девятых поднял!

— Молодцы! — от души похвалил Николай Павлович. — Ты мне вот что, докторов сегодня, ближе к вечеру, собери! Поговорим о кровопусканиях...

Слух о прибытии императора в Первопрестольную быстро разнесся по городу, и, когда государь выходил из губернаторского дома, Тверская уже была заполнена людьми. Жандармы напрасно просили горожан разойтись, упирая на то, что скопление народа способствует распространению болезни.

«Никого не разгонять!» — приказал император и велел вести его в часовню Иверской Бо-

АВАНТЮРИСТКА. ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

жью Матери. Там, встав на колени, долго молился. Вокруг часовни собралась плотная многотысячная толпа. Узнав, что государь молится, люди тоже вставали на колени и молились. В конце Его Величество приложился к образу, и его примеру последовали сопровождавшие его генерал-адъютанты Адлерберг и Храповицкий, флигель-адъютанты Кокошкин и Апраксин и граф Толстой. Доктора Арендт и Ерохин с ужасом взирали из окна кареты на огромное скопление людей.

Народ встретил вышедшего из часовни государя возгласами:

- Мы знали, что ты будешь!
- Где беда — там и ты!
- С тобой нам сам черт не страшен!

Николай Павлович поднял руку в белой перчатке, отчего сразу установилась тишина, и сказал короткую речь.

— В прежние времена говорили: «Близ царя — близ смерти!» и шли за своего царя на смерть. А сегодня я говорю: «Близ народа — близ смерти!», и нисколько не страшусь этих слов, и готов умереть за свой народ. Держитесь, братцы!

У многих на глазах выступили слезы. Кто-то закричал:

- Ура! Теперь не пропадем!

Толпа дружно подхватила: «Ура-а!» Потом провожали всем миром карету императора до самого Архиерейского дома, где «Его Императорское Величество изволил иметь жительство».

АННА МАЛЫШЕВА

В первые минуты своего пребывания в Архирейском доме он распорядился подать ему перо и бумагу, намереваясь написать письмо императрице, а также предписание тверскому губернатору. В обоих случаях был весьма краток, потратив на послания не более получаса. Отдал их фельдъегерям, после чего велел поменять карету на открытую коляску и поехал в Успенский собор Кремля, вновь сопровождаемый толпами народа.

Митрополит Филарет встретил государя на ступенях храма со слезами на глазах. Благословив его крестом, владыка воскликнул в наступившей тишине: «Благословен грядый на спасение града сего!.. Такое царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской...»

Отстояв молебен, Николай Павлович проехал по главным улицам города. Стоя в коляске, он приветствовал москвичей. Кажется, вся Москва в эти часы высыпала на улицы, несмотря на то, что эпидемия заставляла горожан прятаться по углам и лишний раз не высовывать носа. Желание видеть государя преодолело страх. Люди крестились, целыми группами вставали на колени. «Ах! Ты отец наш!» — слышалось отовсюду. «И мор-то тебя не устрашает!» — кричали радостно. «Буди с тобой благодать Господня!» — шептали в слезах.

Император не поленился свернуть в яблочные ряды и обратился к купцам с просьбой приостановить торговлю, потому что «фрукты и овощи вредны при теперешнем поветрии, а потому

АВАНТЮРИСТКА. ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

нужно прекратить продажу особенно яблок и арбузов!» Один из купцов поклонился государю в пояс и сказал: «Извольте, батюшка, Ваше Величество, приказать, что для православных полезно, и мы исполним вашу волю!» Однако другие торговцы зароптали. Если они не будут продавать фрукты и овощи, то разорятся, и их семьи пойдут по миру. «Не дадим вам разориться, братцы!» — пообещал государь и поехал обедать к губернатору.

Князь Дмитрий Владимирович быстро нашел выход. Купцы собрали так много пожертвований на холеру, что из этих денег можно взять часть на вознаграждение торговцев, которые временно прекратят продажу фруктов и овощей. Подумав немного, Николай Павлович сказал: «Нехорошо брать из жертвований. Сие народ наш может растолковать неверно. К тому же мы не знаем, сколько еще продлится поветрие. Арендт говорит, что до холодов, а это значит, целый месяц ждать! — Он сделал паузу, а потом твердо заключил: — Заплати торговцам из казны, Митя!»

Вечером у Архиерейского дома собралось все московское купечество. Городской глава держал в руках поднос с большим караваем и солью. Однако государь, выйдя на крыльцо, прежде всего обратился к собравшимся с речью:

— Узнав о бедствиях Москвы, я сам сюда приехал разделить с вами опасности. По донесениям, кои я имею, Россия лишилась по сие время более двадцати тысяч человек от холеры. Я желаю,

чтобы взяты были строгие меры против сего зла, и чтобы вы содействовали всеми силами правительству. Много вреда причиняют овощи и плоды. Я сам был сегодня в яблочном ряду, говорил с торговцами; один из них был столь благоразумен, что тотчас согласился на прекращение торгога своего, а прочие представляли о разорении, которое потерпят. Согласен, нельзя, чтобы в теперешнее время все мы имели недостатки и убытки, поэтому я приказал губернатору Голицыну, чтобы всех их вознаградили из казны, но продажа должна прекратиться немедленно!

Купцы угрюмо молчали, и только городской глава подал голос, ответив за всех:

— Исполним все, что прикажете, Ваше Величество...

— Закроем торговлю фруктами, так и быть, — поддержал еще кто-то. Остальные продолжали хранить безмолвие.

Чтобы разрядить обстановку, император спросил у городского главы:

— Много больных в вашем сословии?

— Самая малость, Ваше Величество, — ответил тот, — зараза эта более заключается в простом народе.

— Я хотел приехать сюда с императрицею на выставку русских изделий и погостить у вас, в Москве, — признался государь, — но смутные сии обстоятельства помешали нам исполнить желание наше.

АВАНТЮРИСТКА. ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

Стоявший рядом с городским главой советник коммерции Титов, организатор выставки, тотчас вступил в разговор:

— Ваше Величество, выставка будет отсрочена по причине нынешних обстоятельств, — и с льстивой улыбкой на лице добавил: — Москва надеется не лишиться счастья иметь в стенах своих царскую фамилию.

— Увидим! — вдруг резко произнес император. — Может, Бог это и устроит!

После этих слов он взял из рук городского главы поднос с хлебом и солью и быстрым, военным шагом удалился в свои покои.

Много было желающих из дворянского сословия засвидетельствовать свое почтение государю-императору, но Николай приказал никого к нему не допускать, кроме князя Голицына.

Уже поздно вечером, почти ночью, в наместническом доме собрали начальников специально созданных временных больниц и отделений для холерных больных. По просьбе Арендта император держался от них на некотором расстоянии. Похвалив докторов за труды и усердие, Николай строго-настрого приказал им прекратить кровопускания у холерных, ведущие к гибели людей. А также просил не делать сословного различия между больными, и относиться к самым беднейшим жителям Москвы с уважением, и окружать их такими же заботами, как и остальных. В конце добавил, что в ближайшие дни сам намерен посетить несколько больниц.

АННА МАЛЫШЕВА

Несмотря на то что император отошел ко сну непривычно поздно и день выдался невероятно насыщенный, встал он, по обыкновению, в шесть утра. Спал на своей раскладной походной кровати, которая в Зимнем дворце стояла у него прямо в кабинете. Сделав зарядку с карабином, который везде с ним путешествовал, император приказал подать чай и принялся писать письма. Лакей доложил, что ночью прибыл Бенкендорф и что Александр Христофорович уже изволили проснуться и просят его принять. По утрам друзья часто чаевничали вместе, обсуждая насущные политические вопросы. Это стало уже почти привычкой. Николай Павлович не преминул воспользоваться появлением старого приятеля.

Черные круги под глазами шефа жандармов свидетельствовали о том, что он не ложился спать этой ночью.

— Когда прибыл? — поинтересовался император.

— Два часа назад, Никс, — признался Бенкендорф, — торопился изо всех сил.

— И снова, конечно же, ехал верхом, — с упреком констатировал Николай, — хотя в карете мог бы поспать.

По старой юношеской привычке, когда Александр Христофорович еще служил курьером у императора Павла, он всему предпочитал верховую езду с заменой коней на каждой станции. Бенкен-

АВАНТЮРИСТКА. ОБМАНУВШАЯ СМЕРТЬ

дорф считал этот способ передвижения самым быстрым и надежным.

— И возраст, и солидное положение твое предполагают... — начал было читать ему нотацию император, но вдруг остановился и, пристально посмотрев на старого друга, у которого большая часть головы уже давно была лишена волос, а в рыжеватых бакенбардах все явственнее выступала седина, махнул рукой: — Впрочем, тебя уже поздно переделывать, Алекс. Тевтонский дух в тебе неистребим!

— Для остзейского немца, родившегося в России, весьма лестно, что его попрекают тевтонским духом, — усмехнулся Бенкендорф.

Потом заговорили о делах. Николай живо описал весь вчерашний день, особо заострив внимание начальника Третьего отделения на встрече с московским купечеством.

— Не могу сказать, что сие собрание пришло в восторг от моей просьбы прекратить торговлю овощами и фруктами. За всех отвечал городской глава, остальные угрюмо молчали.

— Купцы теряют большую прибыль, — заметил Александр Христофорович, — любое вознаграждение только отчасти компенсирует им убытки. Думаю, на окраинах города, среди бедноты, они все-таки продолжают торговать.

— Мы не должны этого допустить! — твердо заявил император. — Возьмешь торговлю фруктами под свою ответственность!